

ДОИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Проф. Б. Грозный
(Прага)

Каменный и энеолитический века в Палестине

Изобретение древнейшего шумерского картинного письма относится ко времени около 3300 г. до н. э. Возникновение египетского письма можно отнести ко времени приблизительно между 3100 и 3000 гг. до н. э., между тем как китайское письмо относится, наверное, к первой половине II тысячелетия до н. э. Для описания судеб человечества во время IV тысячелетия до н. э. и предыдущих периодов мы должны довольствоваться лишь археологией и палеонтологией.

В Передней Азии, как и в других местах, нет пока определенных свидетельств о времени, когда человечество пользовалось исключительно деревянными и костяными орудиями. Да и так наз. каменный век в Передней Азии еще до сих пор не исследован так, как он по праву заслуживает.

Лучшие свидетельства о древнем каменном периоде, палеолите, в Передней Азии находятся в Палестине. Кроме находок мнимого донеандертальского человека на Джебел-Кафе близ Назарета, удалось открыть в последние годы, главным образом в пещерах на Кармеле, последовательный ряд палеолитических и мезолитических слоев и каменных орудий, начиная с древнейших, точно датированных согласно принятой периодизации шелльских слоев, до верхних натурфских слоев. В раннем палеолите найдены наряду с кремневыми так наз. пластинками массивные двусторонние орудия (bifaces). Два рода орудий представляют, наверно, два типа населения. Мы мало знаем о населении, которое пользовалось тесаными орудиями. В пещере Эс-Сухул было найдено целое кладбище этих древних людей левалуа-мустьерского слоя. Найденные скелеты указывают на близость их, с одной стороны, к древнему неандертальскому человеку, с другой стороны—к современному человеку. По мнению некоторых антропологов, палестинский древний человек, который найден также в Табги у Генисаретского озера, имеет некоторые негроидные черты. Этот древний человек второй половины раннего палеолита вел очень примитивную жизнь в своих пещерах, живя охотой и собиранием диких плодов и корней, оде-

¹ Печатаемые главы из книги Б. Грозного «Nejstarší dějiny Přední Asie», при всей спорности и гипотетичности выдвигаемых автором положений, представляют большой научный интерес, поскольку автор, используя главным образом лингвистический и культурно-исторический материал, пытается установить тесные связи между древнейшими народами Востока. Гипотезы автора, которые, в частности, помогли ему расшифровать протоиндийские надписи, тем более заслуживают внимания, что новейшие археологические открытия опровергают старые представления о самобытности и изолированности народов Востока.—*Ред.*

ваясь в лучшем случае в шкуры пойманных зверей. Медленно и тяжело рождались мысли в его примитивном мозгу. Медленно, много тысячелетий, продолжалось развитие его примитивных каменных орудий. Повидимому, уже с самого начала древнего каменного века палеолитический человек пользовался огнем, одним из первых культурных достижений. Своих покойников этот древний человек обычно хоронил в скорченном положении. В отличие от народа, пользовавшегося тесаными орудиями, жившего часто в пещерах, народ, пользовавшийся двусторонними орудиями, жил чаще всего в шалашах или хижинах из веток. Археологи относят древний палеолитический период, включая его в схему ледникового периода, грубо ко времени от 250000 до 20000 г. до н. э. и даже к более древним временам. Но эти головокружительные цифры совершенно неопределенны и с точки зрения историка почти невероятны; до сих пор отсутствует точный масштаб для этих времен, столь отдаленных от современного человечества.

После раннего палеолита, который кончается так наз. мустьерским периодом, следует поздний палеолит. Более совершенные кремневые орудия этого периода характеризуются наличием острого наконечника и разнообразием форм. Его позднейшие слои доходят до североафриканского капсийского слоя, который, вероятно, проник в Северную Африку из Передней Азии. Человек позднего палеолита сильно отличается от неандерталовидного человека раннего палеолита. Это уже *homo sapiens*, современный человек, хотя еще примитивного облика, со скопленным лбом, с сильно развитыми надбровными дугами, отдаленными друг от друга глазами, но с европейским носом. И этот человек живет охотой и собиранием плодов; в его пещерах были найдены кости диких быков и коней, кабанов, оленей, зайцев и тому подобных животных. Этот поздний палеолит относят, тоже весьма гипотетично, обычно ко времени между годами 20000 и 8000 до н. э., но весьма правдоподобно, что эти даты, согласно Пику и другим, надо снизить до времени от 17000 до 7000 или 6000 г. до н. э.

После следует так наз. мезолит, или средний каменный век, который по главному месту находок в Вади-эн-Натуфе (на северо-запад от Иерусалима) называется также натуфским периодом. Период этот характеризуется главным образом своими миниатюрными каменными орудиями, так наз. микролитами, используемыми чаще всего с деревянной рукояткой—дальнейшим прогрессом в культурном развитии человечества. Важно, что уже в начале этого периода появляются в Палестине гладкие костяные серпы, снабженные кремневым острием, которые, повидимому, указывают, что мы находимся здесь у начала земледелия или хотя бы использования полезных растений—нового, еще более знаменательного прогресса в культуре человечества. В конце этого периода начинают появляться каменные наконечники стрел. Культура этого древнего человечества начинает развиваться во всех направлениях и более быстрыми темпами. Эти люди совсем отличны от людей позднего палеолита. Они—длинноголовые и обладают негроидными признаками. По данным английского антрополога Китса, они являются представителями средиземноморской расы с негроидной примесью и напоминают как негроидов южноевропейского ориньякского слоя, так и додинастических египтян бадарского периода. Можно предполагать, что здесь дело идет о попавших под влияние черной расы хамитах, которые, м. б., проходили через Палестину в Африку. Эти люди жили охотой, ловлей рыбы костяной удочкой или гарпуном и, м. б., как мы видели, примитивным земледелием. Из домашних животных начинает появляться в этот период собака, древнейшее домашнее животное. Одомашнивание животных начало возникать вслед за последним ледниковым периодом, в то время, когда продолжающееся усиленное

высыхание земной коры вынуждало человечество и диких еще зверей к более тесному сожителству в долинах у источников и рек. Уже эти первые находки собаки в Палестине указывают, возможно, на северное происхождение этого палестинского населения, на приход его из области Кавказа или Каспийского моря. Своих покойников эти люди хоронят или в скорченном положении, на боку, или в прямом положении, на спине, или из страха перед покойниками сжигают их. На голове или на шее у покойников—иногда украшения, изготовленные из ракушек, называемых декталлиями, или из костей, похожих на оленье клыки. Неполные человеческие скелеты и силой переломанные кости могут указывать на то, что

Рис. 1. Глиняная голова мужчины из Иерихона (начало IV тысячелетия до н. э.)

эти люди жили также каннибальством. Эти люди обнаруживают уже художественный вкус, о котором свидетельствуют их скульптуры из камня и кости. Этот средний каменный век можно, повидимому, датировать 6000—4700 гг. до н. э.

На оставшиеся столетия V тысячелетия до н. э. падает прежде всего переход из среднего каменного периода в новый каменный период, так наз. неолит, который характеризуется отшлифованными каменными орудиями. Но на Переднем Востоке новый, или поздний, каменный период переходит через некоторое время в так наз. энеолит, в котором наряду с отшлифованными неолитическими орудиями впервые встречается и металлы, прежде всего медь; начало энеолита мы, повидимому, должны отнести тоже еще к V тысячелетию. Во многих местах Переднего Востока, главным образом в больших культурных центрах, неолит полностью отсутствует, и, таким образом, мезолит переходит в таких случаях непосредственно в энеолит.

Является поэтому нерешенным вопросом: где именно на Востоке и до какой степени имел место действительно неолитический период.

В Палестине натугфский период переходит в так наз. тахунский период, названный так по главному месту находок в Вади-эт-Тахуне (в трех километрах южнее Вифлеема).

Тахунский период является сначала еще среднекаменным периодом, и только в его второй половине начинают пользоваться шлифованными каменными орудиями, и тогда он переходит в поздний каменный век. Эти периоды, так же как и следующий, энеолитический, период, знакомы нам лучше всего по стоянкам в Вади-эт-Тахуне, Иерихоне и Мегиддо (в Палестине). К тахунскому периоду относится, повидимому, начало разведения главных домашних животных—быков, коров, овец, коз, свиней, как об этом свидетельствуют находки глиняных фигурок этих животных. Найдены серпов в это время, наоборот, не являются типичными.

Кажется, что тахуниты незадолго до этого были кочевниками, охотниками, пастухами и переход к оседлой земледельческой жизни тогда только начинался. Мы можем, я думаю, поставить здесь вопрос о том, не являются ли эти первоначально кочевые скотоводы уже своего рода авангардом кочевых семитов, пришедших, вероятно, с севера и занявших постепенно Аравию, Сирию и Палестину, или же здесь идет дело еще о последней хамитской волне, к которой принадлежали и древние египтяне¹. Кроме того, очень вероятно, что в это время появляется в Палестине население другого, явно северного происхождения.

Население раннего неолитического иерихонского слоя начинает, м. б. около 4500 г. до н. э., строить из глины и кольев примитивные домики и хижины, полы и стены которых покрывают слоем гипса, окрашенным красной краской, и полированным камнем. Кирпичи, за исключением редких и то сомнительных случаев, не употреблялись. Одно иерихонское здание с колоннадой из шести деревянных колонн, с большой передней и большим внутренним помещением напоминает как позднееолитические фессалийские так наз. *megara*, так и позднейшие хеттские постройки, называемые *bit chilanni*, что значит «дом с вестибюлем», и, м. б., представляет собой святыню этого древнего палестинского населения. Характер этого здания указывает, вероятно, на северное, скорее всего анатолийско-северосирийское, происхождение этого населения.

Более поздняя стадия неолитического периода отмечена появлением первой керамики (вероятно, во второй половине V тысячелетия до н. э.), которая была более необходима оседлому населению, чем кочевникам. О возникновении древнейшей керамики можно вообще сказать, что метод обмазывания глиной плетеных корзин для хранения воды был причиной того, что начали вырабатывать глиняные сосуды сначала только сушкой, позднее обжиганием. Древнейшие сосуды изготовлялись последовательным наложением горизонтальных круглых глиняных слоев. Плетеные корзин, швы и складки кожаных сосудов воспроизводились на глиняных сосудах вычерчиванием или рисованием разных орнаментов геометрического характера. Другие рисунки на сосудах, особенно изображения животных, людей и растений, имеют магический характер, иные имеют исключительно декоративное значение. Неолитическая ручная иерихонская керамика еще очень примитивна, ее чаще всего красная глазурь напоминает красную малоазиатскую керамику. Другие неолитические иерихонские сосуды указывают, по мнению их исследователя проф. Гарстанга, главным образом по своей окраске, на близость к неолитическим фессалийским сосудам, — факт, указывающий еще раз на северное происхождение этого населения.

В Иерихоне были найдены также фрагменты ступенчатого алтаря в виде домика, напоминающего алтари из Ашшура или алтари «жилища» для душ умерших, которые строили хетты, имевшие иероглифическое письмо. Этот алтарь также указывает, кажется, на северное, малоазиатское и северомесопотамское влияние.

Первые глиняные фигурки, относящиеся к этому древнему времени, были найдены в Иерихоне, а именно две скульптурные группы, изображающие мужчину, женщину и ребенка — вероятно, домашние божества. Хорошо сохранившаяся голова мужчины имеет на месте глаз морские ракушки, но волосы и борода нарисованы красно-коричневой краской. Удивителен этот тип лица, который своим маленьким, немного смятым носом опять явно указывает на северное, м. б. даже европейское, происхождение.

¹ Неполнота сведений не позволяет нам вполне определенно решить этот вопрос.

Энеолитический период, который в Палестине можно отнести приблизительно ко времени от последних столетий V тысячелетия до примерно 3200 г. до н. э. и в который лучше всего бы включить и предыдущий, неолитический период, указывает, как уже было сказано, на употребление металлических медных орудий наряду со шлифованными каменными орудиями.

Здесь нужно отметить очень интересную находку глиняных урн, имеющих чаще всего форму домика, которые были найдены в 1934 г. в Худейра в Саронской долине, на севере от Яффы в Палестине. Это кладбище относится по своей керамике к первой половине IV тысячелетия до н. э. и если не современно энеолитической гасульской культуре, о которой речь будет ниже, то, м. б., немного предшествует ей. Эти четырехугольные глиняные домики для костей умерших воспроизводят настоящие тогдашние домики, построенные из глины, тростника и дерева, и похожи на известные евразийские урны в виде домиков. В Худейра были найдены урны трех видов. Одни имеют форму ящикообразного саркофага, сверху не закрытого; другие, наиболее многочисленные, — форму удлиненной урны в виде домика со слегка закругленной крышей, с большим отверстием спереди и меньшим сзади, причем короткие стены домика, т. е. передняя и задняя стена, возвышаются над остальными; наконец, третий вид урны имеет форму домика на четырех ножках, с конусообразной крышей, с большим отверстием, т. е. дверью, впереди и с тремя маленькими отверстиями, т. е. окнами, сзади. Этот последний, роскошный домик, повидимому, изготовленный для начальника племени, окрашен темнокоричневыми линиями и с боков имеет фриз с треугольниками, обозначающими, вероятно, окна. По-моему, не исключено, что по характеру орнамента этот домик относится приблизительно к тому же времени, что и скульптуры из Иерихона. Четыре ножки этого домика напоминают, повидимому, свайные постройки. По обеим сторонам дверей находятся, как и на многих европейских урнах, отверстия для засова. Скошенная, не по-восточному, крыша этого типа урны явно указывает на северное происхождение урн из Худейры. Также и рельефы человеческого лица на такой урне имеют аналогию и на европейских урнах. Большой, арменоидный нос этого лица, как и немного приплюснутый нос фигурки из Иерихона свидетельствуют о расовой смешанности тогдашнего палестинского населения. В палестинских урнах хоронили только кости умерших (так. наз. вторичное захоронение). Но неясно, укладывали ли туда кости после того, как мясо сгнило в земле, или, м. б., кости хоронили сейчас же после смерти, соскоблив с них мясо. Сосуды, найденные в этих гробах, свидетельствуют о вере этого населения в какую-то посмертную жизнь.

Палестинский энеолитический период был в последние годы установлен благодаря неожиданному открытию самобытной культуры, которая называется гасульской культурой, по местности Телелат-Гасуль на северо-востоке от Мертвого моря. Эта культура относится, вероятно, ко второй половине энеолитического периода и доходит даже до начала среднего бронзового периода. В низких гасульских холмах, так же как и в других местах за Иорданом, были открыты А. Маллионом и другими археологами поселения народа, явно отличающегося не только от тахунитов, но и от худейрского населения, хотя он имеет керамику, подобную худейрской (сосуды с носиками, другие — с высокими шейками и сосуды с прорезными подставками).

Домики этих жителей Гасула построены уже из сушеных кирпичей, еще неправильной формы: в более позднее время фундаменты домиков строились из камня. Под этими домиками часто находили погребения детей, производившие впечатление человеческих жертв. Каменные орудия

этого населения—главным образом сельскохозяйственные, как серпы и заостренные мотыги, или плотничьи и столярные, как топоры и долота. В более поздних слоях были найдены уже металлические, бронзовые топоры. Очень мало было найдено наконечников копий или стрел. Глиняные сосуды, сработанные первоначально руками, позднее нередко на гончарном круге, появившемся в это время впервые, часто украшены примитивными, почти исключительно геометрическими рисунками двух или трех цветов. Гасульская керамика характерна главным образом своими ручками и ушками, напоминающими особенно малоазиатскую керамику, и затем сосудами наподобие свертка. Были найдены в Гасуле также сосуды, украшенные змеями, как будто пьющими из них, и рельефно изображенными женскими грудями. Эти находки свидетельствуют о том, что жители Гасула были миролюбивым оседлым народом, занимавшимся в первую очередь земледелием и гончарным, плотничным и столярным ремеслами. Уже в древнейших гасульских слоях были найдены обугленные зерна ячменя (*hordeum sativum*). Города этого народа не были еще окружены стенами.

Очень оригинальны и очень важны рисунки, найденные на стенах отдельных гасульских домов, хотя они не совсем хорошо сохранились. На стене, покрытой белым слоем, изображено, например, поклонение княжеской семьи солнечному диску. Другие рисунки, до сих пор не объясненные, изображают, повидимому, всемогущую силу солнца, которое победоносно прогоняет и уничтожает все злые силы, ночных демонов и т. п. Главный рисунок, очень загадочный, м. б., изображает ежедневный путь солнца с восемью лучами, красными и черными, от его выхода из ворот солнечного дворца вплоть до его возвращения. Этот рисунок особенно напоминает шумерские сюжеты, например специфический древнешумерский вход в дом с двумя роговыми завесами, закрывающими его. Эта древнейшая цветная стенная живопись Востока свидетельствует не только о том, что это загадочное население, поклонявшееся солнцу, имело уже в значительной степени выработанные религиозные взгляды и очень сложную мифологию, на которой заметно влияние шумерского мировоззрения, но и о большом искусстве этих доисторических живописцев. Уже Р. Дюссо указывал на возможность связи этой полихромной живописи с очень похожей живописью гончаров в Телье Арпагия, близ древней Ниневии; эта живопись относится к халафской культуре IV тысячелетия до н. э., о которой подробно речь будет ниже.

Важно также то, что гасулиты являются основателями очень интересной мегалитической заиорданской цивилизации, о которой свидетельствуют многочисленные долмены, могилы и долменовидные гробницы. В этих гробницах умершие хоронились сидящими на корточках, с лицами, обращенными на восток или на юг, т. е. к солнцу, которому поклонялось население. Найденные скелеты, длинно- или короткоголовые, принадлежат, вероятно, частью к средиземноморской расе, частью к так наз. арменоидной расе, характеризующейся, наряду с другими признаками, большим носом. Это население мегалитического времени, вероятно северного происхождения, имеет какое-то отношение к большим мегалитическим некрополям, находящимся на западном берегу Каспийского моря, в персидском Талише, к югу от города Ленкорана, которые были исследованы Ж. де-Морганом. Из Закавказья это население направилось, м. б., через Восточную Малую Азию и Сирию в Заиорданье. На связь с севером указывают также особенные фигурки женщин, напоминающие своей формой скрипки, и поливная керамика, которая, кстати сказать, появляется также и в Иерихоне.

Здесь следует также высказать предположение, что вторжение гасулитов, которое можно сравнить с подобным ему вторжением хурритского

народа в Сирию, Палестину и Египет во II тысячелетии до н. э., сопутствует переселению носителей урукской и джемдет-нарсской культуры в Вавилонию, о которых будет речь ниже. Не исключено, что как раз эти первоначальные закавказские гасулиты принесли более совершенные знания обработки металлов с севера в Палестину.

Находки энеолитической керамики, открытые в Мегиддо и в других местах, показывают удивительное сходство как с керамикой Малой Азии, так и с керамикой додинастического Египта, например черные полированные сосуды, темнокрасные сосуды с врезанным орнаментом, м. б. заполненным белой краской, что, между прочим, встречается и в неолитической критской керамике; палестинские горизонтальные, часто волнистые ручки сосудов IV и III тысячелетия до н. э. переносятся в додинастическое время

Рис. 2. Стенная живопись, представляющая солнечный диск, в Телл-э-Файе в Заиорданье (2-я пол. IV тысячелетия до н. э.)

из Палестины в Египет. К концу IV тысячелетия до н. э., в джемдет-нарсский период и позднее, появляются в Мегиддо сосуды, украшенные оттисками цилиндрических печатей, которые выдают сильное вавилонское влияние на эту палестинскую культуру. Важно то, что население Мегиддо, которое, судя по найденным скелетам, не только в энеолитический период, но и около 2000 г. до н. э. относится к антропологическому средиземноморскому типу, является по существу, наверно уже в период энеолита, семитским по происхождению.

Уже по тому, что сказано, можно с большой вероятностью судить, что в Палестине уже в древнейшее доисторическое время появлялось все новое и новое население, приходящее с севера и северо-востока, из Сирии, Малой Азии, Армении, Кавказа, Закавказья и еще дальше—из Туркестана. Это население под давлением дальнейших этнических волн с севера и северо-востока проникло дальше на юг, в Аравию и прежде всего через узкий Суэцкий перешеек в Африку. Другой такой периодический ряд волн

направлялся на запад через Малую Азию, Кипр и Родос в Эгейский мир— на Крит, в Грецию и до еще более отдаленных частей средиземноморского мира. Общим отправным пунктом этих двух течений переселяющихся народов, позднее географически так отдаленных, объясняется, например, сходство неолитической иерихонской и фессалийской керамики. Но прежде чем мы будем заниматься этими передвижениями древнейших азиатских народов, которые переселялись из Средней Азии, как мы увидим, еще и в других направлениях, этими передвижениями, которые имеют основное значение для древнейшей истории человечества, мы должны познакомиться также и с доисторией долин рек Евфрата и Тигра.

Доисторические культуры в долинах рек Евфрата и Тигра

Халафский и обеидский периоды. Исследование древнейших культур области рек Евфрата и Тигра за последние два десятилетия сделало огромные, ранее невиданные успехи. Из собственно каменного периода в самой Вавилонии были найдены до сих пор только немногие памятники, потому что эта страна является большей частью результатом аллювиальных отложений рек Евфрата и Тигра. Тем важнее вавилонские открытия, относящиеся к энеолитическому периоду, когда уже находятся в употреблении металлические орудия наряду с каменными. Здесь удалось открыть по крайней мере три очень важные энеолитические культуры, доисторические или уже полуисторические, до сих пор неизвестные, различающиеся главным образом своей керамикой. Это культуры—обеидская, урукская и джемдет-нарская. Эти культуры названы по основным находкам в Телль-эль-Обеиде и Уруке, в южной Вавилонии. В обеидской культуре можно далее различить, опять-таки на основе керамики, три разновидности: халафскую культуру, названную по имени местности Телль-Халаф в северной Месопотамии, собственно обеидскую культуру в южной Вавилонии и эламскую культуру в Сузах и других местах в Иране.

Для науки представляло большое затруднение определить принадлежность этих древних культур V и IV тысячелетия до н. э. народам древнего Востока, главным образом шумерам и аккадам. До сих пор остается спорным вопрос, являются ли шумеры основателями южноавилонской обеидской культуры, или они создали только урукскую, или только джемдет-нарскую культуру, или, наконец, этот народ пришел в Вавилонию только после джемдет-нарсского периода, как это иногда утверждается в авторитетных кругах. Очень распространено теперь мнение, что Вавилония во время обеидского периода была населена хурритским или субарейским народом, происходящим из северной Месопотамии и из соседних земель, или эламским народом, осевшим прежде всего в Эламе, на востоке от Вавилонии, и что шумеры только позднее проникли в Вавилонию. Кроме того, не совсем ясно, в какое время пришли семитские вавилоняне, или аккады, в Вавилонию, и вообще можно ли им приписывать одну из упомянутых древних культур. Автор данной статьи выдвигает на основе изученных материалов следующее решение упомянутой проблемы как наиболее правдоподобное, хотя и не абсолютно истинное.

Упомянутые три культуры со своими подразделениями различаются, как уже было сказано, в первую очередь своей керамикой. Для энеолитического периода Передней Азии типична так наз. раскрашенная керамика. Но Передняя Азия не является в этом отношении исключением: она—только часть очень обширной евразийской территории, распространяющейся от Чехии, Моравии, Фессалии и Сицилии на восток до провинций Цяньсу

и Хунань в Китае и до юго-западной Манчжурии. Хотя эта обширная область распадается на ряд меньших, керамика которых имеет свои особенности (формы и особая техника обработки), но все же кажется правдоподобным, что здесь дело идет об одном большом стройном целом, возникновение которого нужно искать в одном месте, и что из этой центральной области эта расписная керамика распространилась во все стороны путем переселения народов и взаимного экономического обмена.

Очень поучителен с этой точки зрения пример полихромной неолитической керамики, принадлежащей китайской культуре Янь-шао, относящейся приблизительно к 2000 г. до н. э., которая показывает сходство мотивов (особенно спиралей) как с окрашенной керамикой Триполья, так и с керамикой из Анау в Туркестане, керамикой из Суз в Эламе.

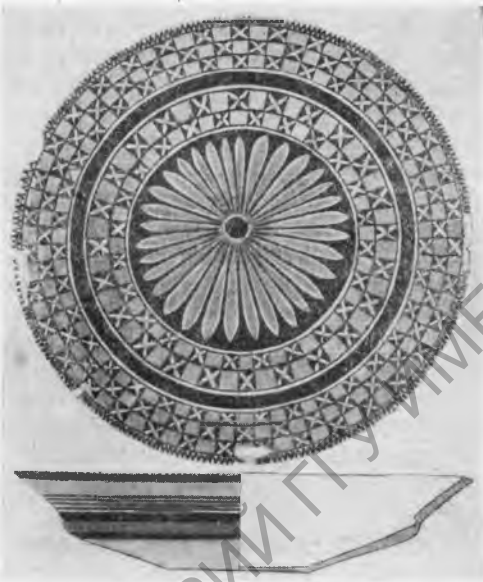
Не исключено, что в этом случае главным посредником были индоевропейские тохары или какой-либо другой среднеазиатский народ в процессе его продвижения из какой-нибудь центральной местности, находившейся, м. б., в Туркестане или во всяком случае между Каспийским морем, Памиром и Алтаем. Подобным же образом, прежде всего путем переселения народов распространялась крашенная керамика из Туркестана и его окрестностей в остальных направлениях.

Если не считать первоначальную переднеазиатскую керамику, еще совсем примитивную, одноцветную, то гравированную, то окрашенную красной или черной краской, встречающуюся, например, в Ниневии, то к древнейшим энеолитическим и частью, м. б., еще неолитическим находкам керамики в Передней Азии принадлежит уже упомянутая халафская керамика, открытая не только в Телль-Халафе, в северо-западной Месопотамии, но и в Ниневии и на холмах Арпачийя и Тепе-Гавра близ Ниневии.

Рис. 5. Полихромное блюдо халафского периода (начало IV тысячелетия до н. э.)

Появление этой керамики надо отнести приблизительно ко второй половине V тысячелетия до н. э. В самом Телль-Халафе эта керамика встречается на протяжении почти всего IV тысячелетия до н. э. Она окрашена красной или черной краской, позднее и несколькими красками, в том числе белой и оранжевой.

Особенно блестящие сосуды этого стиля, выкрашенные несколькими красками снаружи и внутри, оставили нам гончары из Арпачийя, которые доставляли эти сосуды и в Ниневию. На блюдах из Арпачийя посередине геометрических рисунков находится часто четырехлистник или розетка, иногда мальтийский крест или мальтийский четырехугольник и т. п. Эти рисунки основаны прежде всего на технике плетения корзин. Но, кроме того, встречаются на халафской керамике, особенно в самом Телль-Халафе, и на близкой ей самаррской керамике изображения зверей, людей и растений, в своем развитии подвергшиеся значительной стилизации. Большую роль играет стилизованная голова быка, так наз. букранион,

наверное эмблема бога бури. Наряду с другим изображением на сосудах из Тель-Халафа IV тысячелетия до н. э.—двухколесная телега, м. б., вообще древнейшее изображение телеги и коня (?), если, конечно, датировка этих находок правильная. Арпачийское гончарное искусство очень своеобразно; ни один из его прекрасных сосудов не похож своими рисунками на другой. Очень интересен факт, что только большое распространение гончарного круга, с одной стороны, и развивающаяся техника обработки металлов, с другой стороны, как это бывает и в других искусствах, механизировав гончарное искусство на Востоке, одновременно снизили его культуру так, что в более поздние времена оно явно начало приходить в упадок.

Улицы Арпачийя были местами примитивным образом замощены камнями. Дома арпачийских гончаров, построенные на каменных фундаментах, из утрамбованной глины, поднимающиеся в виде круглых ротоподобных построек с куполами, напоминающими гончарные печи, похожи на соответствующие эгейские постройки. В Тепе-Гавра, близ Ниневии, были также найдены в обеидском слое круглые жилые здания, подобные эгейским толосам. В халафской и переднеазиатской культуре, наравне с культурой эгейского мира, и особенно острова Крита, встречается двойная секира и бычья голова, эмблемы бога бури, и также очень древний культ богини-матери и ее голубя, культ которой распространен, кстати сказать, во время палеолита не только по всему Востоку, но и в Европе.

В Арпачийя уже в халафских слоях были найдены зерна ячменя и так наз. двухзерной пшеницы (*triticum dicosmum*, нем. Emmer), особенной породы пшеницы, похожей на полбу, зерна которой должны были быть освобождены на мельнице от мякины. Это вообще древнейшая пока находка хлеба в Передней Азии. Халафской культуре были уже известны также прядение и ткачество. Археологические находки свидетельствуют также о знании металлов и о наличии важнейших домашних животных. На печатях, которые встречаются уже в это время, преобладает геометрический орнамент. В Тепе-Гавра был найден в халафском слое оттиск печати с изображением оленя, на других изображена борзая собака—вообще охотничьи сюжеты. Происхождение печатей, предшествующих цилиндрическим печатям, надо искать скорее всего в сирийско-малоазиатской области, где они удержались дольше всего, вопреки сильному распространению шумеро-вавилонских цилиндрических печатей. Умерших хоронили в большинстве случаев на боку, со скорченными ногами. Помещенные в могилах сосуды и каменные и костяные орудия свидетельствуют о примитивной вере в загробную жизнь.

Энеолитическая халафская культура установлена главным образом на территории между Ниневией и восточной Малой Азией, другими словами—в северной Месопотамии и северной Сирии, территории, позднее названной древним шумерским именем Subar, аккадским Subartu, из которых возникло более позднее название Syria. В более поздние времена, во II тысячелетии до н. э., эта территория заселена, наряду с другими, также и хуррийским народом. С антропологической точки зрения население этой территории принадлежит прежде всего к короткоголовой переднеазиатской расе, отличающейся так наз. арменоидным носом. Весьма возможно, что энеолитическая халафская культура имеет отношение к этому короткоголовому субарейскому народу, происхождение которого можно отнести к древнейшим временам—к V и IV тысячелетиям до н. э. Еще надписи из Рас Шамра XIII столетия до н. э. отличают субареев от хурритов. Не исключено, что различие между хуррийским языком надписей в Рас Шамра и нормальным хуррийским языком можно объяснить тем, что эти надписи являются последними остатками древней субарейской речи,

очень близкой заменившему ее хуррийскому языку. Во всяком случае можно так наз. халафскую культуру и керамику назвать субарейской.

Халафской или субарейской керамике очень близка вторая, очень важная переднеазиатская архаическая керамика, так наз. обеидская, которая отличается от халафской тем, что она, за исключением нескольких редких случаев, украшена не разноцветными рисунками, а только одноцветными, черными или чернокоричневыми, на светлом фоне. В Шумере эту керамику можно отнести ко времени приблизительно от 4000 г. (возможно, уже к концу V тысячелетия до н. э.) до 3400 г. до н. э. Для Элама эту дату можно отодвинуть к более раннему времени. Обеидская керамика, выработанная ручным способом или на гончарном круге, приводимом в движение рукой, встречается не только в южной Вавилонии, в Шумере, где она была найдена главным образом в Телль-ель-Обеиде, близ Ура, называемом, м. б., в древнее время Киш, но и в Эламе, по большей части в Сузах, где она приобрела несколько другие формы. Если вавилонская обеидская керамика отличается в большинстве случаев геометрическими мотивами, придающими ей характер трезвой монотонности, то эламская обеидская керамика использует многие сюжеты из природы—животных, растения и людей, благодаря чему она становится значительно разнообразнее. Особенно узкие сосуды, появляющиеся намного позднее, чем вавилонские, достигают большого совершенства; они относятся к концу эламского обеидского периода, когда медные орудия не были уже так редки, как в предшествующее время. На крашеной эламской керамике, изготовляемой частью на нормальном гончарном круге, изображения стилизованы до неузнаваемости. Сюжет этой керамики—эламский пейзаж, с обилием рек и источников, у которых живут дикие звери, прежде всего эламский козерог, над которым летает орел загрских гор, где живет также и охотник; этой изображаемой жизнью должны посредством симпатической магии наслаждаться живые и мертвые, пьющие из этих сосудов. В этой керамике встречается крест, так наз. касситский или греческий, с одинаково длинными плечами (первоначально это, м. б., было схематическим изображением селения?), мальтийский крест (вначале, возможно, имел то же значение?), шахматная доска (возможно, изображение поля?) и т. п. В Эламе и в северной Месопотамии надо искать центр и высший расцвет этой блестящей керамики древнего Востока. Из древних ее мотивов некоторые перешли в более позднее евразийское искусство, например орел как геральдическая птица и т. п.

Обеидская культура южной Вавилонии, Шумера, первоначально, м. б., еще неолитическая и постепенно переходящая в энеолитическую, употребляет наряду с каменными и костяными орудиями также и металлические орудия, но все еще в ограниченном количестве. Она является древнейшей культурой в этой земле, возникшей из наноса рек Евфрата и Тигра. В некоторых местах можно заметить, как для постройки бедных хижин и домиков, выстроенных из тростника и глины, укрепляли болотистую почву тем, что утаптывали с глиной тростниковые стволы, положенные накрест в болото. При постройке хижин связки тростников покрывали тростниковыми рогожами, которые скрепляли еще слоем глины. Таким образом, из стен, изготовленных из рогожи и глины, выступали перпендикулярные тростниковые стволы, создающие подобие колонн и пилястров. Эти выступы и ниши, которые позднее имитировались в кирпичных зданиях, эти обитые панелями постройки стали главным типичным признаком шумеро-вавилонской монументальной архитектуры, которой одно время подражали и в Египте древнейших династий.

Специальные загнутые гвозди из терракоты на стенах служили для того, чтобы на них навешивать тростниковые рогожи. Эти гвозди имели

форму бычьих рогов, показателей силы, которые позднее стали эмблемой богов. Также и специальные конусообразные клинья из терракоты служили одновременно для укрепления и украшения стен, особенно когда основания этих клинзев в более позднее время окрашивались черной, красной и белой красками и составляли геометрические рисунки. Эти мозаики, которые прежде всего имитировали навешанные рогожи и наряду с упомянутыми выступами очень оживляли серые, монотонные глиняные постройки, уже в древнейшей Вавилонии употреблялись в течение целых тысячелетий. В урукский период для укрепления стен употребляли полые клинья, которые имели форму бутылок или труб. Загнутые верхушки тростниковых стволов имитировались в кирпичах и способствовали созданию позднейших арок и сводов, точно так же как и имитации пальмовых стволов создаются—м. б., лишь в урукский период—древнейшие колонны. Для строительства употреблялись как угранбованная глина, так и плоские четырехугольные кирпичи, сделанные в формах и высушенные на солнце; в вавилонской наносной земле не было строительного камня. Таким образом, в этот обеидский, так же как и в следующий, урукский период были заложены основы всей дальнейшей шумеро-вавилонской архитектуры.

Население этого времени живет земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой. Их серпы изготовлены из обожженной глины. О выработке тканей свидетельствуют сохранившиеся глиняные прялки. Одним из самых важных достижений этого или предшествующего периода было, кажется, изобретение каменного топора с отверстием для деревянного топорича. Другим очень значительным техническим прогрессом этой культуры было использование металлов для орудий, которые постепенно появляются в разных местах и в последующее время производят полный переворот в хозяйственной и культурной жизни древнего Востока. Ясно, что металлургия не могла возникнуть в Вавилоне с его глиняной почвой, и мы должны искать ее начало на севере и скорее всего на Кавказе, в Закавказье и Армении.

Покойников в обеидский период хоронили на спине в вытянутом положении. Также имеются свидетельства о повторных похоронах в этом периоде. Сосуды, положенные в могилы умерших, свидетельствуют опять-таки о вере в какую-то загробную жизнь. Примитивные фигурки демонов свидетельствуют о первобытных религиозных представлениях. Найденные покойники этого периода—длинноголового антропологического типа.

Носителями этой культуры, поскольку касается южной Вавилонии, были шумеры, основатели древнейшей древневосточной цивилизации; равным образом трудно найти возражения против утверждения, что уже в обеидской эламской цивилизации мы имеем дело с позднейшими эламитами. Мнение, что основателями древнейшей южноавилонской культуры являются либо эламиты, либо субарейцы или хурриты, не имеет, по нашему мнению, достаточного подтверждения в источниках. Собственные имена древнейших жителей Шумера, как и их богов, известные нам из более поздних текстов, исключают значительное влияние эламитов и субареев на культуру Шумера.

По какому пути пришли обеидские протошумеры в Шумер, об этом мы можем только догадываться. М. б., здесь имеет значение, что имя гор *Sindzaru*, клинописное *Sanhara*, древнеегипетское *Sngr*, ветхозаветное *Sin'ar* (которое обозначает Месопотамию и специально Вавилонию), греко-римское *Singara*—того же происхождения, что и название *Sumer*, которое имело, вероятно, первоначальную форму *Sugir*. Поэтому не исключено, что горы *Sindzar-Sanchara*, в которых отсутствует халафская керамика, но встречается обеидская керамика, являются первым месоп-

тамским местопребыванием протошумеров, происходящих, наверно, с севера. Вряд ли можно полагаться на новейшие находки Шпейзер шумеро-образной культуры урукского времени из Тепе-Гавра на северо-востоке от Ниневии, где были найдены непосредственно над халафскими слоями, наряду с обеидской керамикой и обеидскими загнутыми глиняными гвоздями, также и монументальные, частично выкрашенные внутри красной краской постройки с внешними и внутренними выступами или без них.

У р у к с к и й и д ж е м д е т - н а с р с к и й п е р и о д ы. Следующей стадией древнейшей вавилонской истории является урукский период, который назван так по своему центру—южноавилонскому городу Уруку, библейскому Эреку, и который можно отнести приблизительно к 3400—3200 гг. до н. э. Одним из его главных признаков является замена раскрашенной обеидской керамики простыми красными, серыми или черными сосудами, иногда гравированными, которые, по всей вероятности, происхо-

Рис. 4. Бык с колосом (изображение на цилиндре-печати периода Джемдет-Наср, 3200—3000 гг. до н. э.)

дят от архайской красной, серой или черной малоазиатской керамики. Эти сосуды, своими формами показывающие влияние форм металлических сосудов, во многих случаях изготовлены уже на нормальном гончарном круге. Эта малоазиатская керамика распространилась, повидимому, с одной стороны, в восточном направлении—в Закавказье, в Ассирию (Ниневия), в северную Персию, в закаспийские области вплоть до Анау в южном Туркестане, с другой стороны—в юго-восточном направлении—в Шумер и Элам, доходя до Суз. Целый ряд других явлений можно также объяснить только гипотезой, что новое, чужое население вторглось с северо-запада в южную Вавилонию и отчасти в соседние страны. В архитектуре в самом Уруке влияние этого вторжения с гор переднеазиатского северо-запада, из Анатолии, северной Сирии и из области верховий рек Евфрата и Тигра, видно прежде всего в постройке древнейшей так наз. «вавилонской башни», или зиккурата, и храма бога неба Ану. Из глины и асфальта в подражание естественной горе была построена какая-то массивная гора или башня, на которой был потом возведен Белый храм. В этот верхний храм, в котором находился длинный двор, спускался с неба бог Ану, чтобы потом направиться к верующим по лестнице в главный свой храм, у которого и была построена эта «вавилонская башня». Влияние вторжения горцев надо видеть и в каменных (известняковых) фундаментах одного

монументального урукского храма. К более позднему времени относится другое, еще более монументальное урукское здание квадратного сечения, построенное из продолговатых кирпичей, имеющее кроме всего прочего кирпичные колонны и полуколонны с трехцветной—красной, черной и белой—мозаикой из глиняных обожженных клиньев; геометрический орнамент этой мозаики подражает рогозам или пням пальм.

В этот или уже в халафско-обейдский период возникает на месте плоской печати, украшенной геометрическим рисунком или изображением зверей, которая произошла, по всей вероятности, из простой бусинки, новая печать цилиндрической формы, образцом которой, м. б., был кусок тростникового ствола. Рисунки этих цилиндрических печатей, которые вскоре полностью вытеснили в Вавилонии плоские печати, изображают в этот период диких зверей, геральдических животных, охоту, борьбу с неприятелем, военную колесницу и религиозные сцены. Эти картины, полные жизни и движения, черпают свои сюжеты преимущественно из примитивной охотничьей жизни, которая была тогдашнему Шумеру еще очень близка. Удлиненные и взаимно сплетенные шеи зверей, изображенных на этих печатях, появляются под шумеро-аккадским влиянием вскоре и в Египте, как заметно, например, по сланцевой палетке Нармера. Также и сама цилиндрическая печать временно перенесена в древнейший династический период и в Египет, где употребляется, между прочим, в качестве амулета. Но в Нильской долине цилиндрическая печать скоро вытеснена из употребления местным скарабеем.

Но самым важным культурным достижением этого периода является создание древнейшей вообще письменности. Как раз в этот урукский период возникает, приблизительно около 3300 г. до н. э., из незаметного начала, из храмовых записей хозяйственного характера, пиктографическое письмо, которое развивается в более позднее время в клинопись. Сначала это было идеографическое письмо, отдельные знаки которого изображали разные предметы и выражали их названия, часто даже и абстрактные понятия, которые находятся в какой-нибудь связи с этими предметами. Так, например, изображение звезды может выражать и слово «небо» и слово «бог». В более позднее время возникает из этого письма слоговое письмо. Письмо урукского периода имело первоначально приблизительно от 1600 до 2000 знаков, число которых в позднейшем развитии сократилось приблизительно до 600. Подобного характера письмо возникло, м. б., к концу урукского периода также и в Эламе. Но только очень мало знаков этого протоэламского письма сходны с соответствующими им знаками урукского и вавилонского письма. Все-таки очень правдоподобно, что протоэламское письмо, свидетельства о котором имеются главным образом в следующем, джемдет-нарсском периоде, возникло до определенной степени под влиянием вавилонского письма, которым оно было позднее вытеснено. Вавилонское письмо является древнейшим письмом мира. Египетское иероглифическое письмо возникает приблизительно в начале I египетской династии, во время между 3400 и 3000 гг. до н. э. При тогдашних довольно тесных культурных связях Передней Азии с Египтом никак не исключено, что вавилонское письмо повлияло на возникновение иероглифического египетского письма. Отметим здесь одно типичное различие: если вавилонское и протоэламское письмо первоначально служат записыванию хозяйственных и административных фактов, то древнейшие иероглифические египетские документы сообщают о лицах и действиях египетских фараонов. Начиная с урукского периода, т. е. приблизительно от 3300 г. до н. э., и вплоть до нашей эры употребляется клинопись не только в самой Вавилонии, но и, в разные времена, по всей почти территории Передней Азии. Пишут ею ассирийцы, хурриты, хетты и ханаанеяне. В измененной форме

пользовались клинописью также в Урарту—Армении и в позднейшем Эламе, но финикийцы (или амореи) и персы изобрели собственную клинопись.

Урукские надписи, возможно, написаны уже на шумерском языке; надписи следующего, джемдет-нарсского периода написаны определенно на этом языке. Шумеры поэтому являются изобретателями вавилонской клинописи, которую от них воспринимает позднее, наряду с другими и прежде всех, и семитские вавилоняне и аккады.

Урукские надписи свидетельствуют о культуре ячменя и употреблении пива. В этих надписях упоминается также и медь, которая встречается уже довольно часто в урукском слое и еще чаще в джемдет-нарсском. В них также есть свидетельства о шестидесятиричной системе счета, а в хлебных мерах—о десятиричной системе. Упоминается об урукских богах неба, о боге Ану и богине Инанне; боги в это время не имели антропоморфных изображений. Интересно, что уже между этими древнейшими шумерскими текстами нашлись также списки идеограмм в виде школьных текстов, предшественников позднейших шумеро-авилонских букварей и словарей.

Остается открытым вопрос, какого происхождения население этого урукского слоя, которое проникло, наверно, с северо-запада в Шумер. Кажется невозможным, чтобы изобретатели шумерской клинописи и авторы древнейших шумерских надписей были иного, а не шумерского происхождения. Лучшим объяснением, по нашему мнению, будет, что эти завоеватели из Малой Азии, северной Сирии и Месопотамии являются только следующим отпрыском шумерского народа, который при вторжении обейдских протошумеров в Вавилонию остановился на севере в Закавказье, в северной Сирии и восточной Анатолии. Позднее этот второй слой шумерского народа, который благодаря своему пребыванию в Закавказье и, м. б., на самом Кавказе приобрел новые знания металлов, был вытеснен с севера и северо-востока натиском других среднеазиатских народов и был вынужден вследствие постоянного высыхания Средней Азии и недостатка пастбищ искать себе жилища ближе к югу и направиться вслед за своими соплеменниками из обейдского слоя в плодородный, орошаемый реками и каналами Шумер. Родственным сходством обоих этих слоев объясняются отсутствие большого разрыва между обейдским и урукским периодами и органическая связь урукского периода с обейдским временем.

За большую вероятность только что высказанного предположения говорит и то обстоятельство, что им можно объяснить и две разновидности шумерского народа как по языку, так и по физическому облику. Наряду с ранним шумерским диалектом, называемым еме-ку или, вернее, еме-туш, т. е. «речь оседлого народа», существовал еще поздний диалект еме-сал, т. е. «речь песней», о котором, повидимому, в более позднее время говорится как об одном из «языков Аккада», т. е. северной Вавилонии. Весьма возможно, что этот второй шумерский слой осел главным образом, хотя и не исключительно, в северной Вавилонии, редко заселенной обейдскими протошумерами. Кажется, не исключено, что этот второй шумерский слой, пришедший с северо-запада, в том числе и из Субиру, Субару, имеет при посредстве этого имени отношение к первоначальному названию шумеров—Сугир, которое, по законам фонетики еме-сал, могло превратиться в Субир, Субар, Субур или же в Сумер.

Следует здесь напомнить, что один из древнейших мифических шумеро-аккадских царей, четырнадцатый царь первой кишской династии, сын шумерского царя-пастуха Этаны, назывался Балих, по северомесопотамской реке Балих; этот факт также указывает на пребывание некогда

шумерского (или, м. б., уже аккадского?) населения в этой части Месопотамии. Таким образом, Шанхар, северо-восточная Месопотамия, и Субар, северо-западная Месопотамия, являлись бы только названиями прежних довавилонских этапов обеих групп шумерского народа.

Очень хорошо можно этим же образом объяснить тот факт, что среди шумеров появляются два антропологических типа: длинноголовый тип, повидимому, ранний, и, вероятно, поздний, короткоголовый тип, известный нам не только из археологических находок черепов, например в северо-вавилонском городе Киш, где, кстати сказать, оба эти типа появляются одновременно, но и из древних шумерских скульптур. Более ранний, длинноголовый шумерский тип, который теперь причисляется к восточной группе так наз. средиземноморской расы, но в действительности скорее всего имеет северное происхождение, смешался на своем пути и во время пребывания в кавказско-анатолийско-сирийско-месопотамской области с представителями короткоголовой переднеазиатской или арменоидной расы, которая жила в этих горных краях.

Урукский период после двухсот лет сменился так наз. джемдет-нарсским периодом, названным по Джемдет-Насру, лежащему в северной Вавилонии, приблизительно в 23 км на северо-восток от города Киш. В древние века название Джемдет-Наср, в историческое время полностью забытое, писалось, как кажется, знаками Кид-нун. Джемдет-нарсский период можно отнести приблизительно к 3200—3000 гг. н. э. Главным характерным признаком этого периода, отличающим его от урукского периода, является цветная, расписная джемдет-нарская керамика, пользующаяся в своих преимущественно геометрических рисунках черной, красной или коричневой краской. Центром этой керамики, вероятно, была северная Вавилония наряду с Эшнунна, современным Тель-Асмаром, лежащим на северо-востоке от Багдада; отсюда она доходит в археологическом слое, названном Суза II, до западного Элама через Тепе-Муссиан вплоть до Суз. Об этой полихромной керамике существует мнение, что на нее повлияла халафская полихромная керамика. Другая поливная посуда, крашенная красными полосами или рисунками, происходит, вероятно, из северной Сирии, особенно из окрестностей города Кархемиш. Весьма возможно, что эту керамику принесла в Вавилонию новая волна населения, которая пришла с северо-запада, из северо-западной Месопотамии или северной Сирии. Ввиду того, что центром джемдет-нарсской керамики является северная Вавилония или Аккад, то возникает гипотеза, что носителями этой культуры были семитские аккады, позднейшие вавилоняне. Древнейшим центром древних семитов, поскольку это возможно установить, была, повидимому, Сирия с соседними частями Аравии. Поэтому вероятно, что семитские аккады, названные так по городу Аккад, пришли в Вавилонию вскоре после урукских шумеров, так же как и они, с северо-запада.

Искусство ваия достигло значительного расцвета в обеих отраслях: рельефах и скульптурах. Рельефами были украшены очень распространенные также каменные сосуды. Предпочтение каменных предметов свидетельствует о происхождении этого слоя населения из каменистых областей. Из скульптур этого времени следует отметить, например, базальтовую стелу из Урука, на которой изображена борьба двух мужчин арменоидного типа со львами. Боги изображаются по обыкновению только своими символами, и лишь к концу этого периода появляются изображения богов в человеческом виде. Чтобы их отличить от людей, художники начинают украшать их бычьими рогами, символом силы, который и остается им на весь период вавилонской культуры.

В Джемдет-Насре сохранились шумерские надписи более совершенного письма, чем ранние урукские надписи. Интересно, что в них уже упоминается лошадь, которая более или менее широко распространилась в Передней Азии только около 2000 г. до н. э. при посредстве индоевропейских народов, особенно пришельцев с севера. Как тексты, так и археологические находки свидетельствуют о более широком применении металлов, конечно наряду с каменными орудиями.

Плоские печати в виде пуговиц, бус и зверей, так же как и цилиндрические печати, изображают на своих рисунках приручение быка, жизнь храмовых стад, нападение на них диких зверей, культовые сцены и охоту. Бык с колосом является частым и очень подходящим символом тогдашней, преимущественно земледельческой вавилонской жизни. Его изображение производит впечатление произведения современного искусства. Басенное творчество отражено на печати, изображающей льва, сидящего на троне и принимающего поздравления и подарки от зверей, играющих на музыкальных инструментах. Имена отдельных вавилонских городов, написанные идеографически, также появляются на этих печатях; целые группы этих имен на одной печати свидетельствуют о создании больших государственных объединений из отдельных городов, сгруппированных вокруг храмов.

Что город Кид-нун, современный Джемдет-Наср, был могущественным городом, видно по огромному центральному зданию этого города, построенному из удлиненных плоских сухеных кирпичей почти квадратного сечения. Вероятно, этот город был резиденцией могущественного правителя, которому удалось объединить если не все, то по крайней мере ряд вавилонских городов в одно большое политическое целое. И не исключено, что именно первая волна семитических аккадов сумела здесь, в северной Вавилонии, создать первую мощную вавилонскую державу или по крайней мере сыграть при создании этого царства большую роль. Первой династией после «потопа» в вавилонских династических списках признается первая кишская династия, некоторые члены которой имеют уже семитско-вавилонские имена. Весьма правдоподобно, что город Кид-нун, который в конце джемдет-насрского периода был уничтожен огнем и мечом, в позднейшей вавилонской традиции слился в одно с близким северовавилонским городом Киш, который стал не только столицей первой вавилонской исторической династии, но—после гибели Кид-нуна,—вероятно, и главным центром древнейших вавилонских семитов—«аккадов».

Кавказ, хамито-семиты, каспийские народы и протоинды

Повидимому, скорее всего с азиатского Закавказья вышли первые хамиты и вскоре за ними семиты, чтобы заселить Переднюю Азию и Северную Африку. За наше только условное определение прародинны хамитов и семитов в Закавказье и у Каспийского моря говорит прежде всего заимствование самых древних географических и этнических названий. Хамиты заселили не только Северную Африку, но проникли через Гибралтарский пролив на Пиренейский полуостров, где они были представлены древними иберами, язык которых ясно показывает типичные хамитские элементы. Их имя «иберы», наверно, находится в тесной связи с именем кавказских иберов, которое с ним вполне тождественно. Испано-французские баски, язык которых является, кажется, смесью кавказских и хамитских элементов (Pokoynú), были оттеснены на Иберийский полуостров, наверно, также с Кавказа и с соседних с ним земель. Испанские бои быков являются, надо полагать, не чем иным, как последним отголо-

ском сражения шумерских героев Гильгамеша и Энкиду с быком; этот бой, тысячекратно увековеченный на шумеро-вавилонских печатях-цилиндрах, является, вероятно, только художественным выражением подчинения быка человеку. Подобные переходы народов средиземноморского бассейна не являются в истории чем-то исключительным. Достаточно вспомнить путешествия и переселения финикийцев-пунов и этрусков и особенно экспансию арабов-мусульман в Северную Африку, Испанию и даже во Францию, что является полной аналогией доисторической экспансии хамитов в Африку и Западную Европу.

Вряд ли мы можем также отделить имя нубийских кушитов явно хамитского происхождения, называемых *Kuš*, *Kuši* или *Kaši*, от названий *Kaššû*, *Kûsu*, *Kuššuchâi*, греческого *Kossaioi*, *Kissioi*, применяемых для обозначения касситов.

Имя *Kas* скрыто также в имени позднейшего народа каспийцев, *Kaspioi*, и в имени страны *Kaspiane*, которая находилась на юго-западном берегу Каспийского моря, и также в самом имени Каспийского моря. С именем *Kas*, *Kuš*, весьма вероятно, связано название древнейшей столицы хеттов *Kušsar*, *Kussar*, что означает, собственно, «кушиты».

Загадочная еще доарийская культура протоиндов, которая была открыта несколько лет тому назад в Мохенджо-Даро и в Хараппа, по нашему мнению, является тоже культурой каспийского происхождения¹.

Протоиндские «кушиты» (?), возможно, часть иероглифических «хеттов», являются в настоящее время древнейшим исторически доказанным европейским народом, который приблизительно за 1300—1400 лет до арийских индусов овладел обширными землями северо-западной Индии. Как можно определить по именам собственным, эти протоиндийские индоевропейцы были сильно смешаны с хуррийскими элементами, а, м. б., отчасти и с эламскими. Часто там упоминается, как кажется, имя хеттского бога *Santas*. Остается невыясненным, упоминается ли там также бог *Siva*, воспринятый позднейшими арийскими индусами. Протоиндийские «кушиты» (?), или иероглифические «хетты», представлены в антропологическом отношении частью длинноголовыми скелетами так. наз. средиземноморского типа, частью короткоголовыми скелетами альпийского типа, найденными в Мохенджо-Даро и Хараппа: таким образом, ясно различаются слои «хеттско»-индоевропейский и хуррийский.

Возможно, что имя тохарского индоевропейского племени *Kušan*, которое в I в. н. э. из Бактрии завоевало северо-западную Индию, и далее имя *Kušān*, которое обозначает город *Kuša*, и также тохарский язык — все это каспийского происхождения. Кушаны в северо-западной Индии через несколько тысячелетий являются преемниками прежних протоиндийских кушитов!

В связи с отдаленным сходством семитских и индоевропейских языков мы высказали гипотезу, что и хамито-семиты, возможно, вышли из азиатского Закавказья — области, соседней с индоевропейской прародиной. Неправильно господствующее до сих пор мнение, что родиной семитов является Аравия, и еще более неправильно мнение Нельдеке, что их прародиной является Африка! Сходство, хотя и отдаленное, хамито-семитских и индоевропейских языков явствует, например, из бросающегося в глаза лексического сходства этих двух языковых групп: так, например, арабское слово *ardun* — «земля» и немецкое *Erde*, вавилонское *daragu* — «дорога» и чешское *dráha*, еврейское *tób* — «добрый» и чешское *dobry*, арабское *karuun* и латинское *cornu* — «рог» и т. д. (ср. Н. М ö l l e r, *Vergl. indogermanisch-semitisches Wörterbuch*). Естественно, что Закавказье не могло

¹ См. ВДИ, № 2 (11), стр. 15—34.

быть древнейшим местом жительства хамито-семитов, древнейшие селения которых, наверно, находились еще дальше, м. б. где-нибудь в Туркестане.

Подобно хамитам, семиты распадаются на несколько ветвей, говорящих на разных языках или, вернее, диалектах. Они являются разными слоями этого народа, которые в разное время вышли из своей прародины и по пути подпали под различные чужеземные влияния, которые закрепили и углубили первоначальные небольшие отличия их друг от друга. В антропологическом отношении семиты принадлежат к средиземноморской расе, к ее восточному типу. Некоторые их ветви, как евреи, ассирийцы и в значительной мере арамейцы, смешались с народами субарейско-

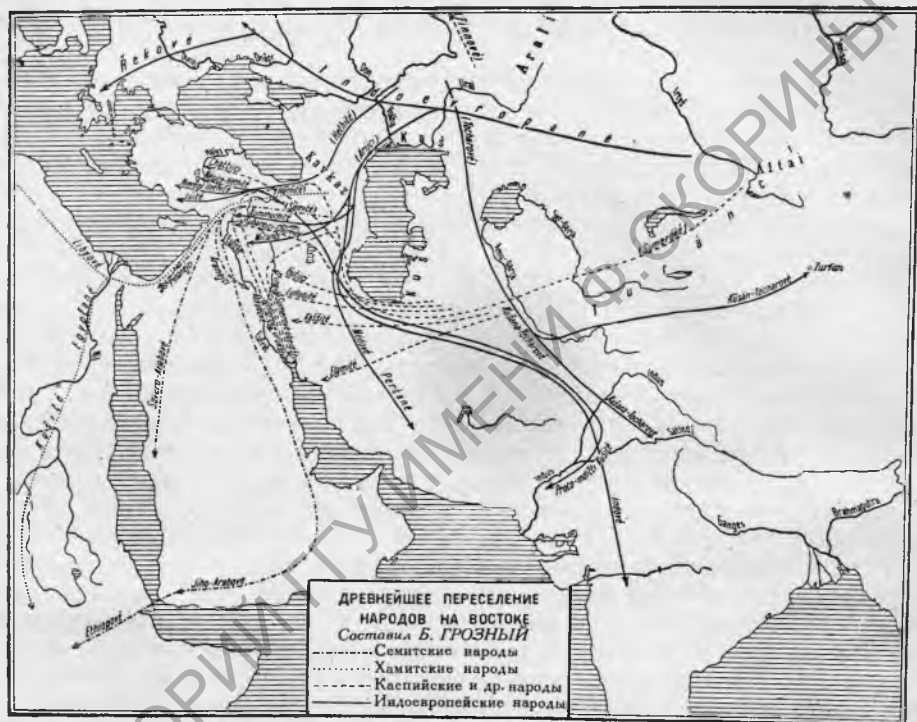

Рис. 5. Древнейшее переселение народов на востоке

Рис. 5.

хуррийского происхождения, имеющими короткую голову и большой нос, и таким образом возник, в первую очередь, современный еврейский тип, который вопреки современному господствующему мнению не является семитским типом; семитский тип представлен лучше прежними аккадо-вавилонянами и современными арабами и не очень отличается от индоевропейского типа. Но и при суждении о вавилонском и арабском типе нужна осторожность: аккадо-вавилоняне смешались с шумерами, в то время как арабы сильно смешались с самыми различными народами, попавшими под власть ислама.

Древнейшим исторически доказанным семитским слоем является вавилонский джемдет-нарсский слой—кишаны и аккады. Они своим вторжением из Сирии в Египет повлияли в известной степени на египетскую речь и культуру. Ответвлением аккадов являются ассирийцы, отличающиеся от аккадов только диалектом.

Другим семитским слоем являются южные арабы, которые также из Сирии были оттеснены в Южную, или Счастливую, Аравию—Иемен.

Вместе с аккадами и ассирийцами эти южные арабы образовали так наз. восточно-семитскую ветвь. Южные арабы распадаются по диалектам на сабеев, минеев и, далее, на эфиопов, переселившихся из южной Аравии в Африку, в Абиссинию. В Абиссинии эти семиты смешались в значительной мере с туземным хамитским населением.

Следующей семитской группой являются так наз. амореи, жители страны Amurru, Запада, называемые еще ханаанеями и арамейцами, которые вместе образуют западносемитскую группу. К народам страны Amurru, т. е. Сирии и Палестины, принадлежат наряду с ханаанеями финикийцы, пуны, евреи, моабиты и угаритяне, говорившие на вновь открытом семитском языке из Рас Шамра (Угарит) (независимо от того, считать ли этот язык финикийским диалектом, или языком амореев в узком смысле слова). По новейшей теории Ungnad'a, к этой семитской группе принадлежат также и северные арабы, представители классического арабского языка, которые еще недавно вместе с южными арабами и эфиопами считались отдельной южносемитской группой. К арамейцам принадлежат также позднейшие сирийцы-христиане.

Происхождение и прародина шумеров и древнейшее переселение народов

Как мы видели в предыдущих главах, древние шумеры пришли в Вавилонию с севера. На их происхождение из каспийской области могут, возможно, указывать названия Keš для Tell-el-Obeid и Kiš для важнейшего северовавилонского города древнейшего периода. Но их поселения на юго-западе от Каспийского моря не были их древнейшим местом жительства. Кажется, все свидетельствует о том, что в более древний период, в VI тысячелетии до н. э. и раньше, шумеры жили где-то в Туркестане или в Казахстане (Киргизии) и, вероятно, в их восточных частях, так как их слово для обозначения Востока (im-kur-ra) показывает, что на восток от их селений находились горы (kur).

Шумерское название Arallu, на аккадском языке Arallu, употребляемое для ада и для так наз. «пределов мира» — места, в котором родились боги, которое, по Исайе (гл. 14, 13), находилось на крайнем севере, — является, по нашему мнению, по всей вероятности, шумерским названием Урала; гласные «а» и «у» часто чередуются в шумерском языке. Горы Arallu ассирийцы называли (II Rawlinson 51, n. 1, II) «горами золота», так же как и горы Kabchusi, в имени которых я вижу ассирийское название Кавказа. Золото имеется на Урале и на Кавказе. Наоборот, имя Аральского озера, кажется, киргизского происхождения и значит «озеро островов».

Мы уже указали на то, что представители первого обейдского потока шумеров были прежде всего длинноголовыми, а второй их поток, урукский, сильно смешался с короткоголовым населением кавказско-анатолийско-месопотамской области. Шумерийский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюркско-татарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны — некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерский язык является смесью индоевропейских и тюркско-татарских элементов в их еще очень примитивной, зачаточной форме. В лексическом отношении к первой группе относится, например, имя An для шумерского бога неба, аккадское Anu, которое напоминает индоевропейское an(ō) — «наверх» (Autran), к другой группе относится шумерское dingir — «бог», которое близко старотурецкому tengri, tenri, что значит «небо, бог». Этот смешанный шумерский язык, м. б., попал в кавказской области

под влияние кавказских языков, прежде всего в отношении инфиксов местоимений и в глаголах (Christian).

Протоиндоевропейский составной элемент у древнейших шумеров представлен в расовом отношении, возможно, длинноголовым населением обеидского периода. Короткоголовое население,—м. б., отчасти туранского, отчасти арменоидного происхождения.

Поэтому вероятно, что шумерский народ возник скорее всего где-то в киргизской степи, на границе между длинноголовыми древнейшими индоевропейцами и короткоголовыми туранцами. Возможно, что, спустившись с алтайского склона и с берегов реки Иртыш, они, обойдя южное побережье Каспийского моря, направились в Вавилонию—в одном случае через Азербайджан, Закавказье и горный хребет Силджар, в другом случае, несколько столетий спустя, через Закавказье, северную Сирию и восточную Анатолию, создав в одном случае обеидскую культуру, в другом случае—позднейшую урукскую культуру. До своего вавилонского периода эти две ветви шумерского народа прожили, повидимому, уже долгий ряд столетий, м. б., гораздо больше тысячелетия, в прежних своих поселениях около Кавказа, в восточной Анатолии, северной Сирии. Поэтому весьма правдоподобно, что многие культурные достижения древнего Востока, которые мы встречаем впервые, например, в древнейшей субарейской культуре (колесо, телега, посев хлеба и т. д.), являются плодом этого доавилонского существования шумерского народа.

Культурное влияние этого народа было велико. Шумеры были, наверно, уже в Казахстане и в Туркестане первым или, по крайней мере, одним из первых народов, приручивших и разводивших быков, как об этом свидетельствует принадлежащее им подлинно оноματοпоэтическое слово (n)gu(d)—«бык», которое перешло не только в египетский язык (египетское ka, коптское ko) и в некоторые суданские языки, притом же в древнейшие времена, но и во все индоевропейские языки (ср., например, древнеиндийское слово ganh—«скот», Zendское gauš, немецкое Kuh) и даже в китайский и в тибето-бирманский языки (ngjeu, ngu, ngö, gü, gö). Это слово, повидимому, могло принадлежать к алтайскому элементу шумерского языка. Шумеры, наверно, были одними из первых в посевах льна. Из шумерского gad—«лен, полотно» возникли аккадские слова kitü—«лен» и kitinnü—«полотно», которые перешли во все семитские языки и в греческий язык (ср. греческое chiton). Что шумеры являлись пионерами в обработке металлов, главным образом меди, указывает их слово для обозначения меди—urudu, перешедшее во все индоевропейские языки в значении металл, руда (ср. латинское rudus, gaudus—«металл», славянское «руда», немецкое Erz и т. д.).

Передовая роль шумеров во всех искусствах и ремеслах нашла свое выражение в фигуре шумерского народного героя, мифического царя города Урука—Гильгамеша, о делах и приключениях которого до нас дошла обширная ассиро-вавилонская эпопея в двенадцати песнях. Уже его имя, обозначающее, по нашему мнению, «человека огня и секиры», характеризует Гильгамеша как мастера в обработке металла и дерева. По традиции, Гильгамеш был также знаменитым архитектором, построившим мощные укрепления. Этот шумеро-аккадский герой является в этом отношении, несомненно, прототипом греческого основателя всей культуры, подарившего людям огонь,—Прометея, сына титана Япета; Япет обязан своим именем ветхозаветному Яфету, сыну Ноя. Прометей тайно дал людям огонь и научил их, как пишет Эсхил, строить кирпичные дома, обрабатывать дерево, строить суда, добывать и обрабатывать металлы. Гильгамеш первый приручил и запряг быка и коня, он дал человечеству числа и алфавит, научил человечество наблюдать за звездами, научил врачебному

искусству, искусству предсказания и другим. По позднейшей традиции, он первый научил ассирийцев астрологии, что прямо связывает его с ассирио-вавилонским народом. Миф о Прометее, как и вавилонский миф о Гильгамеше связаны с мифом о потопе. Другие особенности и действия Гильгамеша воплощены в греческом Геракле, освободителе Прометей. Прометей, прикованный к вулканическому Кавказу, является только греческим отражением шумеро-аккадского Гильгамеша. Гильгамеш сам является не чем иным, как персонификацией шумерского народа, приносящего народам древнего Востока все достижения культуры. И этот миф о Прометее указывает ясно на изрыгающий огонь и богатый рудой Кавказ и его области как на древнее, конечно только временное, место жительства шумеров, направляющихся в Вавилонию.

В приложенной карте я попытался графически представить свою схему древнейших переселений исторических народов на Востоке. Само собой разумеется, что дело идет только о более или менее правдоподобной гипотезе.

Хетты также пришли через Кавказ, а не через Балканы. Неясно, как пришли арийцы в свои позднейшие места жительства—через Туркестан или через Кавказ. Древнейшее распространение «индусов» в Митанни, в северной Месопотамии, в Сирии и Палестине во II тысячелетии и «иранцев», представленных династией Kundaspa, Kūstaspa или Kustaspila, в Kimmuchu-Kommagene, в верховьях Евфрата, в IX и VIII вв. до н. э., кажется, говорит за эту вторую возможность. Но мы не исключаем целиком и первую возможность, которую мы во избежание неясности не отметили на карте.

